

Таллиннский университет
Институт гуманитарных наук

КУЛЬТУРА ДИАСПОРЫ ТЕМЫ И ВАРИАЦИИ

СБОРНИК СТАТЕЙ

Таллиннский университет
Институт гуманитарных наук

Tallinn University
The School of Humanities

КУЛЬТУРА ДИАСПОРЫ ТЕМЫ И ВАРИАЦИИ

СБОРНИК СТАТЕЙ

Редакторы

А. А. Данилевский, С. Н. Доценко

Москва

Издательство «Флинта»

Издательство «Наука»

2022

УДК 7.01
ББК 71.0(4Эст)
К90

Kogumiku valmimist on toetanud Euroopa Liit Euroopa Regionaalarengu Fondi kaudu (Eesti-uuringute tipkeskus – TAU-16078).

Сборник подготовлен в рамках проекта «Эстония между Востоком и Западом: Парадигма “свой”, “другой”, „чужой”, “враг” в культурах Эстонии XX в.» при поддержке Фонда европейского регионального развития Европейского Союза (Центр исследования культур Эстонии – TAU-16078).

Культура диаспоры: Темы и вариации : сб. ст. / под. ред. К90 А. А. Данилевского, С. Н. Доценко. – Москва : ФЛИНТА : Наука, 2022. – 352 с.

ISBN 978-5-9765-5043-8 (ФЛИНТА)

ISBN 978-5-02-039447-6 (Наука)

Сборник включает статьи и публикации, посвященные проблемам изучения разных аспектов культуры диаспоры XX в., преимущественно русской. Основное внимание уделено творчеству русских писателей и критиков I-й волны эмиграции (И. Бунина, А. Ремизова, Г. Газданова, М. Алданова, Н. Берберовой, Г. Адамовича, И. Одоевцевой и др.), а также проблемам русской диаспоры в Эстонии. Отдельный раздел сборника составляют материалы, связанные с жизнью и творчеством историка проф. Н. Е. Андреева (1908–1982).

УДК 7.01
ББК 71.0(4Эст)

ISBN 978-5-9765-5043-8 (ФЛИНТА)

ISBN 978-5-02-039447-6 (Наука)

© Авторы статей, 2022
© А. Мокиевский, оформление, 2022
© В.А. Перельгин, фото Ю.И. Абызова, 2022
© Издательство «ФЛИНТА», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Ольга Демидова (Санкт-Петербург) Отчужденное «свое»: Георгий Адамович о ранней советской литературе	6
Сергей Доценко (Таллинн) И. Бунин против А. Ремизова: Что скрывается за антагонизмом двух писателей?	22
Патриция Деотто (Триест) «Дело Кравченко» глазами Н. Н. Берберовой	36
Павел Лавринец (Вильнюс) «Свой» Есенин на виленской почве	48
Анастасия Горобец (Вена) «Чужая» родина в московских дневниках Антонина Ладинского	56
Наталья Ликвинцева (Москва) Советская Россия в раннеэмигрантских дневниках П. Е. Ковалевского	67
Вадим Беспрозванный (Анн Арбор) «Трухоперлый бабаля»: Александр Яблоновский как литературный критик	80
Микела Вендитти (Неаполь) Восприятие «советского» в книге Г. Газданова «На французской земле»	93
Мария Мишуrowsкая (Москва) «Белая гвардия» и М. А. Булгаков в восприятии «своих», «чужих» и «неких» (1924–1929)	104
Манфред Шруба (Милан) «Пьеса сменовеховская. Запретить»: о комедии Т. Майской «Россия № 2» (1922)	113
Наталья Михаленко (Москва) Утраченная Россия как религиозный концепт на страницах журнала «Перезвоны»	124
Галина Пономарева (Тарту–Таллинн) Русские Эстонии глазами советских людей в 1939–1941 годы	133
Екатерина Рогачевская (Лондон) «Русская экономика» в чужой стране: Как и на что жили русские писатели в эмиграции (на примере М. А. Алданова и И. А. Бунина)	144
Ирина Сязек, Роман Войтехович (Тарту) О поэзии Б. Х. Тагго-Новосадова и архиве П. Ф. Беликова	153
Аурика Меймре (Таллинн) Визуальный образ «красной» и «белой» культур в эстонской карикатуре периода становления Эстонской Республики	169

Anneli Mihkelev (Tallinn) The grotesque, war and enemies in August Gailit's literary works	181
Anneli Kõvamees (Tallinn) Foreigner abroad: Travelogues by Valev Uibopuu	189
Борис Равдин (Рига) Юрий Галь на полях времени и стиха	197
Юрий Сидяков (Рига) Искусство и политика: О гастролях хора донских казаков С. Жарова в Риге в 1928 году	221
Людмила Спроге, Ольга Проскурова-Тимофеева (Рига) «Желаю сказочных успехов...» (из писем Ирины Одоевцевой к Наталье Кодрянской)	235
Андрей Пономарев (Москва) Перестройка Кадрриоргского (Екатерининского) дворца в 1931–1934 годы ..	243
Марин Лаак, Айя Сакова (Тарту) Прибалтийская диаспора и советская литература: О роли Ивара Иваска в журнале «World Literature Today» (Оклахома)	252
Денис Кузьмин (Таллинн) Эстонец в России и парадигма «свой – другой – чужой – враг»: (авто)портрет северокавказского эстонца	261
Наталья Чуйкина (Таллинн) Образная реализация концепта «свои – чужие» в художественном тексте (на примере романа А. Чернявского-Черниговского «Семь лун блаженной Бригитты»)	279
Инна Адамсон (Таллинн) К проблеме сопоставления номинаций социальной сферы современной Эстонии и их российских соответствий	286

Памяти Н. Е. Андреева

Ирина Белобровцева (Таллинн) Николай Андреев как рецензент «Вестника Союза русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии» (1931–1934)	299
Екатерина Андреева (Оксфорд) Письма Сергея Александровича Левицкого Николаю Ефремовичу Андрееву (1948–1982)	316
Аврил Пайман (Дарем) Николай Ефремович Андреев: По воспоминаниям ученицы (1949–1959 гг.) .	327
Ричард Дэвис (Лидс), Андрей Рогачевский (Тромсё) Н. Е. Андреев в лондонском Пушкинском клубе	330

ВОСПРИЯТИЕ «СОВЕТСКОГО» В КНИГЕ Г. ГАЗДАНОВА «НА ФРАНЦУЗСКОЙ ЗЕМЛЕ»

Микела Вендитти (Неаполь)

В 1942 г. десятки тысяч советских военнопленных были переведены из Белоруссии и Украины в лагеря, которые находились в северо-западной Франции. Сразу возникла подпольная организация: сначала с целью побега и саботажа, а потом и вооруженной борьбы. Год спустя, в августе 1943 г., советские военнопленные, находившиеся во Франции, призвали своих соотечественников к борьбе против нацистов и к участию в движении Сопротивления:

«Нужно работать в пользу СССР, против врага, используя для этого все возможности; Поддерживайте тесную связь с французскими патриотами, которые вам окажут большую помощь. При первой возможности уходите из лагерей в партизанские отряды и вместе с французскими товарищами ведите борьбу против общего врага – фашизма».¹

Образовался Центральный Комитет Союза советских военнопленных во Франции, управляющий советским партизанским движением. В 1943 году, по просьбе хорошего своего знакомого А. Покотилова, эмигрантский писатель Гайто Газданов присоединился к французскому партизанскому движению вместе с женой, Файной Дмитриевной Ламзаки. Он участвовал в качестве редактора информационного бюллетеня подполья «Русский патриот», она стала связной и переводчицей. Сразу после войны Газданов опубликовал в Париже книгу «Je m'engage à défendre» (Paris: Défense de la France, 1946), в которой рассказал об этом опыте. В пятитомном собрании сочинений Газданова комментаторы пишут, что это документальное повествование, «Я обязуюсь защищать», «долго практически не было известно русским читателям, хотя его высоко оценили в русской зарубежной печати».² До 1975 г., когда американский славист Л. Диенеш нашел в архиве Гарвардского университета

¹ Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. М., 2009. Т. 2. С. 599.

² Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. М., 2009. Т. 2. С. 728.

текст рукописи произведения на русском языке, считалось, что Газданов написал книгу только на французском. В русской рукописи не хватает только одной страницы, которая была восстановлена по французскому изданию в обратном переводе. Под названием «На французской земле» текст был опубликован полностью в 1995 г. Л. Диенешем.³

Французская книга не получила в свое время, в 1946 г., много откликов. Марк Слоним, например, написал рецензию на «Русский сборник» 1947 г., опубликованную в журнале «Новоселье», в которой описывает литературную панораму русского зарубежья после войны. Он задается вопросом: почему эмиграция не написала о «современности», то есть о войне? И даже в таком контексте книга Газданова всего лишь упоминается:

«“Молодые” не пишут о современности, потому что они в ней не участвуют, ибо они оказались за границей на ролях “свидетелей истории”. Поколение, выросшее за рубежом, лишено корней, и может только описывать тоску от собственной “междупланетной” отрешенности. Русские парижане во время войны и немецкой оккупации на все происходящее во Франции взирали, как иностранцы, и на события России, как изгои. Иначе трудно объяснить, почему они не отозвались на эти события или, по крайней мере, не рассказали, что они чувствовали, слыша на берегах Сены или Средиземного моря об осаде Ленинграда и битве за Волгу. Повторяю: я не обвиняю, а устанавливаю факт. Вероятно, лишь очень немногие из парижских поэтов и прозаиков (напр., Андреев, Варшавский, Сосинский, *Газданов в изданной по-французски книжке о встречах с русскими партизанами*) ощутили боль и кровь, ужас и порыв этих лет с той силой и интенсивностью, которая предшествует естественному и свободному творческому акту и создает непреодолимую потребность художественного воплощения».⁴

Надо сказать, что и русская публикация 1995 г. прошла без особого резонанса: она слишком про Европу для Советской России, и слишком про Советскую Россию для Европы. Далеко не все эмигранты могли разделить выбор Газданова бороться вместе с совет-

³ См.: *Газданов Г. На французской земле* / Вступ. ст., подгот. текста и публ. Л. Диенеша // *Согласие*. 1995. № 30.

⁴ *Слоним М. Литературные заметки: («Русский сборник») // Новоселье*. 1947. № 31/32. С. 99–100; курсив наш. — *М. В.*

скими партизанами против Гитлера. Были, конечно, и другие эмигранты, которые участвовали в Сопротивлении,⁵ и о некоторых из них пишет Газданов в этой книге. Но большинство представителей русской эмиграции, хотя и не поддерживали прямо идеи нацизма, смотрели на Гитлера как на противника большевиков.

Жорж Кудри (Georges Coudry), историк французского Сопротивления и сам бывший партизан, в 1995 г. опубликовал статью, где упоминается и цитируется книга Газданова «Je m'engage à défendre». Любопытно, что Жорж Кудри воспринимает и определяет Газданова именно как «émigré pro-soviétique».⁶

Книга Газданова «На французской земле» причисляется им к жанру «документальной прозы». Л. Диенеш утверждает, что книга является единственной «non-fictional book» Газданова.⁷ По мнению В. Боярского, книга Газданова – это «эпическая книга-мемориал».⁸ С другой стороны, исследователи признают, что в ней проявляется также особый лирический стиль писателя, поэтический пафос повествования и некая «литературность». Вопрос о жанре не второстепенный, потому что книга на самом деле является трудно определимой, имеющей смешанную структуру. Книга «На французской земле» соединяет исторические документы (письма, объявления и т. п.) и сведения о формировании партизанского движения с рассказами о подвигах героев, французских и советских, и соображениями повествователя от первого лица. Газданов сам пишет о сложной композиции написанного им текста, играя мимоходом с литературным жанром:

«Я много раз представлял себе то условное развитие событий, последовательность которых я знал и которые были *похожи на авантюрный роман* <курсив наш.– М. В.>, с той трагической раз-

⁵ В числе русских эмигрантов, участников Сопротивления, следует вспомнить Мать Марию (Е. Ю. Скобцова, по первому мужу Е. Ю. Кузьмина-Караваева), погибшую в немецком лагере в 1945 г.; героиню французского Сопротивления В. А. Оболенскую, погибшую в Германии в 1944 г., а также Б. В. Вильде (1908–1942) и А. Н. Левицкого (1903–1942), которые создали в 1940 г. первую группу движения Сопротивления под названием «Сеть Музея Человека» (оба были расстреляны в 1942 г.).

⁶ Coudry G. Soldats de Vlassov et détachements soviétiques en France: (1943–1945) // Matériaux pour l'histoire de notre temps. 1995. № 39/40 (Juillet-Décembre). P. 11.

⁷ Dienes L. Russian literature in exile: The life and work of Gajto Gazdanov. München, 1982. P. 49.

⁸ Боярский В. Поэтика прозы Гайто Газданова 1940-х годов: Диссертация ... канд. филол. наук. Новосибирск: НГУ, 2002. С. 227.

ницей, что каждый шаг этих многочисленных героев написанной книги был действительно сопряжен с риском мгновенной и насильственной смерти».⁹

Александр Бахрах (1902–1985), друг Газданова, написал рецензию на книгу в просоветской газете «Русские новости» в 1946 г., где отметил ее главные черты:

«Выступает он живым свидетелем виденного и слышанного, и показания его даются им с таким целомудрием, что его бережное и внимательное отношение к описываемым событиям и к произносимым им словам резко выделяет его небольшую по объему работу и создает вокруг нее такую разреженную атмосферу, что совокупность происшествий, в ней описанных, не вызывает сомнений у читателя и, несмотря на фрагментарность, воссоздает целостную картину подлинной эпопеи – героической и даже в какой-то мере сказочной».¹⁰

В отклике А. Бахраха отмечаются основные элементы произведения Газданова: фрагментарность повествования, которая производит впечатление, что автор собирал воедино разные факты и соображения, не думая о сюжетосложении. В нарративном тексте имеются также черты сказки, чтобы подчеркнуть, в частности, многократно описываемый автором необыкновенный героизм советских партизан (когда, например, рассказывается о том, как два советских партизана сражались против 40 немцев и убили их всех,¹¹ или как четыре безоружных пленных атаковали немецкий патруль, чтобы достать оружие,¹² крылатый дьявол¹³ или рассказы партизанки Наташи, которые производят у читателя «волшебство»). Приобретает черты сказки и своеобразная историческая ситуация, очень удачно описанная автором:

«Вечерами партизаны собирались вместе и пели русские песни; и это было, в общем, экстерриториальное лесное пространство, затерянное на западе пленной Европы, какой-то, *почти отвлечённый, кусок российской земли* <курсив наш. – М. В.> во время второй отечественной войны».¹⁴

⁹ Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. С. 597.

¹⁰ Цит. по: Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. С. 728.

¹¹ Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. С. 691.

¹² Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. С. 677.

¹³ Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. С. 637–638.

¹⁴ Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. С. 624.

В эпиграфе к своей книге Газданов пишет:

«В этой книге нет ничего вымышленного. Все факты, которые в ней приводятся, происходили в действительности. Все лица существовали в действительности. Все, что я описываю, я либо видел собственными глазами, либо знаю со слов непосредственных участников событий или по их письменным показаниям, либо, наконец, мне это известно по официальным документам. Ответственность за все написанное я принимаю на себя. То, что я написал, я написал без чьих бы то ни было советов или указаний. Поэтому все настоящие имена героев этой книги заменены вымышленными, кроме имен тех, которые погибли и памяти которых я ее посвящаю».¹⁵

На самом деле книга Газданова представляет собой общее описание историко-культурного явления солидарности людей разных национальностей против общего врага. Этому способствует и безымянность персонажей, за исключением некоторых лиц, которые становятся собирательными образами, типами. Они представлены сначала через беглое внешнее описание, после которого следует перечисление героических действий, ими совершенных. В. Боярский в связи с этим отмечает:

«Именно отсутствие свойств, тотальная безымянность, усреднённость, “незамечательность”, с одной стороны, и внутренняя твёрдость, готовность к героическому поступку ради другого человека, с другой стороны, и рождает скрытую парадоксальность этих образов».¹⁶

¹⁵ Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. С. 597. Ср., например, как во введении к своей книге о войне (совершенно разного жанра) пишут В. Зензинова и М. Осоргина. Первый, военный корреспондент, нашел письма убитых русских солдат в Финляндии и такими словами предваряет свое произведение: «<...> Письма эти написаны реальными людьми к реальным адресатам, это ни в какой мере не “литература”, а кусок настоящей, подлинной жизни. <...> Прежде всего они позволяют и помогают понять теперешнюю Россию, потому что рисуют н а с т о я щ у ю Россию – ту самую Россию, которую мы все страстно хотим узнать и понять и которую так мало знаем здесь, за тридевять земель от нее, в далекой и холодной эмиграции» (Зензинов В. Встреча с Россией: Как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную армию 1939–1940. Нью-Йорк, 1944. С. 5–6; разрядка автора.– М. В.). Второй, писатель М. Осоргин, в посмертно опубликованной книге 1946 г. утверждает: «Эта книга не роман, не хроника, не дневник и не только воспоминания. <...> Я никогда не хотел писать подобной книги. <...> То, что случилось, убило надолго деятельность писателя. Всякий опыт художественной выдумки убит действительностью и стал кощунством. Мы можем быть только летописцами и подготавливать материал для будущих писательских поколений» (Осоргин М. В тихом местечке Франции: Письма о незначительном. М., 2005. С. 7).

¹⁶ Боярский В. Поэтика прозы Гайто Газданова 1940-х годов. С. 216.

Дело в том, что для Газданова опыт участия в движении Сопротивления (Resistance) означает не только неизбежный (императивный) гуманитарный выбор, но и редкую возможность встретиться с молодым поколением граждан Советского Союза, с детьми Революции, которые родились и выросли в то время, когда той прежней России, в которой родился и жил сам Газданов, больше не существовало и которую они не знали. Кроме того, писатель узнает о том, как советские люди представляли себе русских эмигрантов. Поэтому среди многочисленных упомянутых героев, представителей разных национальностей, автор в центр своего внимания ставит именно советских военнопленных. Отношение Газданова к ним неоднозначное: с одной стороны, он смотрит на них с любопытством, как будто со стороны, с точки зрения европейца, подчеркивая их глубокое отличие от жителей Запада, с другой стороны, советские граждане являются для него «своими», русскими, в отношении которых писатель чувствует свою близость. Одновременно при встрече с ними он ощущает также свою собственную отдаленность от родины, что обостряет в нем чувство одиночества эмигранта.

В этом колебании между «своими» и «чужими» эмигранты играют своеобразную роль, как показывают слова Антона Васильевича, одного из участников Сопротивления:

«— С эмигрантами я могу сесть в калошу, черт их там разберет. Это другие люди, с иным прошлым, с иной психологией, они знают вещи, которых не знаю я: например, Европу, иностранные языки, еще другое. Тут я могу полагаться только на интуицию. Но с нашими, советскими... <...> Но до того, как подойти к вопросу о Европе, Антон Васильевич столкнулся с вопросом о русских эмигрантах. О них у него было представление столь же смутное, сколь отрицательное. И все-таки что-то тянуло его к ним.

— Русские же, черт возьми, люди, — сказал он мне, объясняя ход своих мыслей по этому поводу». ¹⁷

Газданов сразу предупреждает, что не все советские солдаты были героями, но те, которые участвовали в Сопротивлении, представляли собой пример «русской непобедимости». Разница, «то огромное, непроходимое различие, которое отделяет психологию гражданина Союза Республик от психологии любого гражданина

---

¹⁷ Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. С. 614.

любого другого государства»,¹⁸ подчеркивается автором во всех подробностях:

«Я подолгу разговаривал с советскими партизанами обо всем, что приходило в голову; и нельзя было не заметить той огромной, непроходимой разницы, которая существует между системой их понятий и тем, что можно было бы назвать среднеевропейскими социальными и экономическими концепциями. Они не могли понять, как кафе или магазин могут принадлежать какому-то частному человеку, как электричество или газ могут не быть собственностью государства, как вообще возможна та экономическая анархия, которая, по их мнению, было особенно характерна для Европы, и, в частности, для Франции. То понятие собственности, на котором основана экономическая система Европы и вообще всего мира, за исключением России, им было совершенно чуждо во всех его бесчисленных проявлениях».¹⁹

Газданов рассказывает, например, о том, как спросили у московского комсомольца, прожившего полгода в Париже, понравилось ли ему, и тот ответил: «Ничего,— сказал комсомолец,— жаль, что свободы нет».²⁰

«Все доводы о том, что в Париже можно издавать или покупать любую газету — анархическую, монархическую, коммунистическую, капиталистическую, — можно основывать любые политические партии, обвинять правительство в чём угодно, писать и печатать книги любого содержания, все это совершенно не подействовало на комсомольца. — А свободы все-таки нет!»²¹

Возникает, таким образом, культурный конфликт между советскими гражданами и европейцами. Заметно, что когда Газданов говорит о сотрудничестве советских с французскими партизанами, он удивляется тому, что они прекрасно понимают друг друга без знания языка. Наоборот, когда речь идет о социально-экономических понятиях, Газданов замечает, что те же самые слова на русском языке имеют совсем другое значение: «Между русскими и европейскими понятиями всегда существовала разница и всегда были недоразумения, происходившие от того, что одна и та же фраза,

---

¹⁸ Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. С. 614.

¹⁹ Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. С. 630–631.

²⁰ Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. С. 631.

²¹ Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. С. 631.

составленная из одинаковых слов и абсолютно точно переведенная с любого европейского языка на русский, значила уже другое, так как содержание, вложенное в эти слова, было одним в Европе и иным в России». ²² Советские люди выросли и воспитались в таких условиях, о которых Европа не может иметь представления (как, например, государственная монополия): «Им даже не приходит в голову мысль о возможности сравнения с Европой – настолько все это им чуждо». ²³ Сами бытовые понятия различны: советским людям непонятна «привязанность к вещам или книгам, ценность тех или иных предметов». ²⁴

«У них нет быта. Личная жизнь – со всем тем, что есть в этом понятии отрицательного и положительного, ее ограниченность и узость в одних случаях, ее тяжелое очарование – в других, – у них не играет никакой роли в бытовом смысле», ²⁵ – пишет Газданов, потому что они могут быть посланы государством куда угодно в огромном пространстве Союза.

Им самим на Западе все кажется чужим, даже театр или кино:

«Девушки – которых там было шесть – жаловались, что фильмы им не нравятся:

– У нас фильм – он душу затрагивает, а здесь неинтересно.

Все тут казалось им чуждо. Это было понятно: действительно, между жизнью в России и той жизнью, которую они видели здесь, не было никаких точек соприкосновения, не оставалось даже возможности сколько-нибудь близкого сопоставления. Японцы надевают иголку на нитку и садятся на лошадь с правой стороны – и нам это кажется непостижимым. И, в каком-то смысле, советские люди так же далеки от европейцев, как японцы». ²⁶

В тех местах, где советские люди становятся для автора своими, они приобретают самые необыкновенные качества: «у них вообще удивительные голоса <...> тональность, по которой их можно сразу отличить от всех»; ²⁷ «в них слышится какая-то особенная, только им свойственная звуковая смесь, смесь небрежности и размашистости,

---

²² Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. С. 631.

²³ Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. С. 632.

²⁴ Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. С. 632.

²⁵ Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. С. 633.

²⁶ Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. С. 636.

²⁷ Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. С. 634.

лени и решительности».²⁸ У советских людей особенная «близость к природе»²⁹ и «необыкновенная способность ориентироваться».³⁰ Кроме того, Газданов отмечает «нечто особенное, характерное <...> для многих советских людей: быстрая приспособляемость к внешним условиям жизни, к внешним отличиям, нечто вроде своеобразной социальной мимикрии».³¹

Рассказы о войне, пишет Газданов, все одинаковы в своем трагизме, но когда советская Мария рассказала о своём опыте, то произвела на него сильное впечатление: «с первых же звуков ее удивительного голоса я забыл обо всем, что происходило вокруг меня. Это нечто похожее на трагическое волшебство – голосовое и фонетическое одновременно».³² У этой девушки был «природный дар», такая «шекспировская сила выражения»,³³ что Газданов «впервые ощутил, что с ее рассказом на меня как будто обрушилась огромная тяжесть всех этих тысяч и тысяч непоправимых человеческих трагедий, жертвой которых стала моя родина».³⁴

Или, например, рассказы Наташи о своем детстве, которые пробуждают у Газданова свои воспоминания, а вместе с тем обостряют чувство потерянной родины:

«<...> Я вспомнил эти бесчисленные оттенки и переливы запахов земли <...>. Я слушал, как она рассказывала о таких вещах, которых я был лишён столько лет, и мне казалось, что я вновь вижу перед собой этот давно исчезнувший, огромный и неповторимый мир моего детства».³⁵

Образ «советского» постепенно сливается с образом «русского» вообще, как народа с прирождённой храбростью:

«Еще одно, что всегда представляется изумительным любому европейцу, это то, как советские солдаты могли вынести те нечеловеческие испытания, которые выпали на их долю и которых, конечно, не выдержал бы никакой другой народ, кроме, пожалуй, предста-

²⁸ Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. С. 634.

²⁹ Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. С. 634.

³⁰ Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. С. 648.

³¹ Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. С. 600.

³² Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. С. 640.

³³ Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. С. 639–641.

³⁴ Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. С. 641.

³⁵ Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. С. 680.

вителей желтой расы. Их физическая сопротивляемость совершенно исключительна; но это, конечно, характерно уже не только для советских людей, а для русских вообще; в этом они продолжают традиции своих предков».³⁶

Таким образом, та «монолитность» государства, которая была непонятна европейцам и которая была принята автоматически советскими людьми, сейчас становится главной причиной победы над немецким нацизмом: советские солдаты составляют некое единое целое.

«В поведении русских партизан во Франции <...> поражает эта абсолютная одинаковость их поступков и побуждений – вплоть до того, что рассказы самых разных советских людей совершенно похожи один на другой – так, как если бы их повторял с некоторыми бытовыми вариантами один и тот же человек, какой-то собирательный советский военнопленный, бежавший из немецкого лагеря».³⁷

Как полагает Газданов, чувство коллектива, принадлежность к «семейно-патриархальной системе», в которой все обеспечено, национальный дух как особенность русского народа, страшная центробежная сила русского государства, – все это предопределило победу в этой «беспримечной войне».

Газданов разговаривал с советскими партизанами, конечно, также о политике:

«Я никогда не разговаривал с ними об отличии советского режима от политических режимов Европы, но косвенные вопросы этого рода не могли, конечно, не возникать. И тогда я убедился в самом главном, самом для них характерном в этом смысле: они не чувствуют, так сказать, контуров режима, они не представляют себе ничего другого. Те вопросы, которые кажутся естественными в Европе – правовые, социальные, экономические, – в их представлении не возникают: то, в чем они живут, настолько непреложно и естественно, что иначе быть не может, и простая возможность обсуждения этого им кажется совершенно праздной. <...> Они, чаще всего, избавлены от забот о насущном хлебе, от вопроса о личном обеспечении; они получают жалованье, потом будут получать пенсию, и всюду, в любой области, на страже их личных интересов стоит вездесущее, всеобъемлющее, всезнающее государство, к авторитету кото-

---

³⁶ Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. С. 647.

³⁷ Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. С. 674.

рого они питают безграничное, без тени сомнения, доверие. Они знают, что где бы они ни находились – под землей, под водой, на Северном полюсе, на арктической льдине, – им помогут, их поддержат, о них позаботятся».³⁸

О самом восприятии понятия «коммунизма» Газданов пишет в основном в связи с женскими персонажами, и здесь он подчеркивает разницу между советскими людьми и европейцами:

«Эти женщины были готовы умереть за коммунизм и за Францию. Но некоторые из них не были француженками, и ни одна из них, конечно, не знала, что такое коммунизм и почему за него стоит умирать. <...> Это было проявление слепого и героического инстинкта – быть может, одна из последних его вспышек в странах Западной Европы. Русские – те знали, за что они борются и за что они умирают».³⁹

В конце своей книги Газданов четко определяет свою позицию:

«Я не советский гражданин и не коммунист – и мне не угрожает никакая критика личного порядка. И я пользуюсь этим, чтобы подчеркнуть еще раз, это торжество героизма над насилием, воли над действительностью, настоящей непобедимости над мнимой победой и – я надеюсь – благодарности над забвением».⁴⁰

В итоге, как нам представляется, книга Газданова не получила заслуженного внимания. Книга добавляет еще одну черту к фигуре Газданова, которая выделяется в эмигрантской среде своей оригинальностью и многогранностью: осетин, который писал только по-русски, эмигрант, не воспринимающий эмиграцию как миссию против большевизма, атеист и масон. В документальной книге «На французской земле» Газданов, не будучи приверженцем советской власти, все-таки защищает свою родину, а несколько лет спустя, в 1953 г., соглашается работать на радиостанции «Радио Свобода», которая была учреждена и финансировалась Центральным разведывательным управлением США.

---

³⁸ Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. С. 645.

³⁹ Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. С. 602.

⁴⁰ Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. С. 694.